

Сергей Савин

Фонтан

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

12+

ЗАСЛОН

Лит.Фон

Сергей Савин

ФОНТАН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67628630

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда ищешь воду для соплеменников среди старых развалин, можно повстречать и паука-охотника, и то, о чём не говорят в родных пещерах.

Сергей Савин

Фонтан

Ветер с песком царапал лицо как мелкая наждачка. Он давно ободрал все стены здесь: белый сталепластик истончился, выцвел и больше походил на светло-серую ткань, которой в пещерах люди завешивают личные отнорки. Когда-то люди жили на поверхности, а теперь среди остатков полукруглых домов торчали кривые деревца. Прятались ли они за стенами или же стены цеплялись за них, чтобы не рассыпаться окончательно, ведомо только холодному ветру. Длинные белые облака, похожие на стрелы, неслись по высокому светло-голубому небу. Белое солнце, маленькое как утренняя порция галет, презрительно взирало на буро-красную пустыню с недостижимой высоты.

Пустыня тянулась сколько хватало глаз; над барханами крутились маленькие смерчи. Обвалившиеся купола домов медленно тонули в ней – каждый день мелкий бурый песок постепенно растворял в себе часть города. Однажды руины исчезнут. Уйдут в землю, как ушла в землю вода и как уходят в неё люди. Интересно, найдётся ли шаман, который проводит уходящих в последний сон?

Пьеро нехотя поднялся на ноги: ветер усиливался, похоже, вечером снова налетит буря, но делать нечего, вода сама себя не соберёт. Отдых окончен. Он дёрнул плечами, чтобы

лямки от бака легли поудобнее и не так резали плечи, а старое коричневое пончо расправилось, и двинулся вперёд. Если не вытаскивать руки из одежды и правильно держать голову, то вроде и ничего, терпимо. Шарф и круглые очки-консервы неплохо сдерживали перетёртые остатки прежнего мира.

Ближайший люк недалеко, шагов пятьдесят. Такой же, как и все остальные: рифлёный, из толстеного чугуна, со знакомой эмблемой с обеих сторон. Шестерёнка с точкой внутри и тремя овальными крылышками снаружи. Этот символ здесь везде. В домах, на мостовой, даже на стенах в пещере.

Влас говорил, что так предки донесли до потомков устройство мира и указали путь к познанию. Человек лишь точка, и его окружает его ноосфера, за пределами которой скрытые силы, движущие всем сущим, которые древние люди подчинили. Крыльев трое, потому что ветер, песок и солнце также триедины как человек, сон и смерть, как шаман, долг и истина. Оттого и начертан этот знак всюду. Об этих истинах необходимо вспоминать ежечасно и в них находить утешение, если заплутаешь в буре или в чужих снах.

Пьеро спрятал ухмылку в красную шерсть шарфа: ближние люки для детей и дураков. И бак не наполнишь, и зря полазишь туда-сюда, и силы потратишь. Хорошие люки все ближе к центру. Там, у оврага – старики называют его смешным словом «русло» – тоннели уходят глубже, и шанс набрести на драгоценную воду куда выше.

Длинные перистые облака опасливо сторонились холодного белого глаза в небе, тени укоротились, и спрятаться от палящего света стало негде. Но напрямик через дома – слишком опасно. На улице старенькие резиновые сапоги дурацкого канареечного цвета вязли в мелком песке, но это лучше, чем получить отравленный шип сквозь подошву или притащить домой яйца пауков-охотников в складках одежды. Пьеро быстро миновал перекрёсток и двинулся к оврагу.

Идти было неблизко, да и ветер усилился, каждый шаг давался всё сложнее. Пьеро наклонился вперёд и поднял руку перед глазами, чтобы мелкие назойливые песчинки не так клевали нос и щёки. Он шёл и думал о сне. Пьеро никогда ничего не снилось, поэтому дед Влас косился на него с опаской. «Бессонный значит полумёртвый», шамкал шаман, когда Пьеро в очередной раз пожимал плечами на утреннее «Поведайте свои видения, братья».

Ну – не снится ничего! Ну – такой уродился! Ну – что теперь?! В люк сбросить?! Да идите вы с вашим долгом шамана, знаете куда?!

От досады хотелось рычать. Пьеро прикусил шарф: здесь шуметь не надо.

А вот сегодня – приснилось.

Во сне Пьеро был улиткой. Влас рассказывал о них: наземных моллюсках, неспешно ползавших в траве; очередном чуде старого мира. Пьеро шаману не верил, думал – тот путает одно с другим или просто сочиняет. Ну, вот, скажите

на милость, как может выжить существо, у которого нет ни зубов, ни когтей, ни яда, а только дурацкая раковина?

Но – приснилось. Значит – и правда было. Каждый ребёнок знает: во снах люди живут вместо тех, кого убило Вспышкой. Котов, дельфинов, инфузорий-туфелек. Полусумасшедшая Коломбина бормочет о перенасыщенной ноосфере, вынужденной реализовываться вот так. Влас говорит о неискупаемом грехе, который можно облегчить только непрерывными страданиями наяву и во сне. Пьеро всегда вставал и отходил от костра, как только начинались эти навязшие в зубах разговоры – ему, бессонному, становилось скучно и немного стыдно.

Сегодня ночью он стал улиткой.

***

Мягкая земля гладила брюхо, и надёжный домик совсем не тяготил спину. Вкусная сочная тёмно-зелёная трава клонила сверху. Цветы радовались свету. Круглое жёлтое солнце в бирюзовом небе ласково улыбалось. Оно столько видело смертей, что ещё одной его было никак не удивить.

Пьеро полз. Он старался изо всех сил. Как можно быстрее.

Сзади.

Оно сзади.

Оглядываться не было сил: он и так знал, что там. Розовый волк. Ротовые щупальца Пьеро нервно дёрнулись.

Розовый.

Волк.

Улитка.

Хищная.

Сзади хрустнуло, остро запахло чужой слизью. Пьеро удвоил усилия. Не удастся уйти – в пасти Розового Волка хрустнет и его панцирь. Волку плевать, он заглатывает прямо так, не жуя.

Не оглядываться. Пьеро перевалил через камень. На поворот уйдёт слишком много времени, и Волк не упустит шанс. В голове билась одна мысль: ну зачем он попёрся к тому дереву! Знал же, знал, что опасно, но нет, решил, что там трава сочнее.

Не сбежать. Страшный чужой запах становился всё острее. Не скрыться. Огромный коричневый монстр догонял.

Быстрее. Быстрее!

Пьеро полз и полз. Инстинкт гнал его вперёд, а паника хлестала по панцирю шипастым кнутом.

В голове стучало: Не уйти. Не уйти. Не уйти. Неуйтине-уйти...

Он хотел остановиться и не мог. Тело Пьеро всё делало само. Оно ползло вперёд. Так быстро, как могло.

Белые цветы над головой тянулись к солнцу. На длинном листке на безопасной высоте расположилась божья коровка. Маленькие чёрные глазки ехидно наблюдали за погоней.

Залезть на стебель? Стряхнуть коровку вниз, в пасть Волку?

Хищник шуршал травой совсем близко, разум Пьеро в

панике рождал и тут же отбрасывал одну дурацкую идею за другой.

Принять бой?

Божья коровка понаблюдала ещё с минуту и поднялась в небо. Пьеро проводил её завистливым взглядом. Вот бы тоже уметь летать...

Трава кончилась. Брюхо обжёт чёрный камень. Широченная полоса камня тянулась и влево, и вправо, Пьеро-улитка не знал, что это. И раздумывать не хотел. С той стороны чёрной полосы колыхались васильки. Может быть, там удастся оторваться. Пьеро удвоил усилия. Он почувствовал, как чужие щупальца скользнули по панцирю. Словно облизали жадным гибким языком.

Вперёд!

Он полз по горячему камню. Силы таяли. Ещё чуть, и его жизнь кончится. Часть его, та, что видела сон, хотела остановиться и сдаться, но древний инстинкт истошно вопил: нет! Ни в коем случае! Борись!

Страшный рёв оглушил Пьеро, заставил замереть. Над головой пронеслось что-то гигантское, оно воняло металлом и смертью. Запах Розового Волка вдруг накрыл с головой.

Пьеро замер. Вот и всё. Он зажмурился, успев пожалеть, что не развернулся: если бы его жрали с головы, было бы не так больно.

Прошла секунда. Другая. Вдалеке застрекотал примолкший было кузнечик. Пьеро открыл глаза, сдвинул глазные

щупальца так, чтобы посмотреть назад.

Он был там. Розовый Волк. Здоровенный, больше Пьеро раза в два, с чёрно-коричневым панцирем, вмятым в то, что совсем недавно было его телом. Длинные ротовые щупальца всё ещё тянулись к Пьеро.

Пьеро выдохнул. Металлическая смерть приходила не за ним. Скорее всего, ей вообще было всё равно, кого забирать, как и всем людским машинам. Всепоглощающий страх пропал, и Пьеро понял: сон окончен; можно просыпаться.

Пьеро открыл глаза и увидел над собой низкий закопчённый потолок с крылатой шестерёнкой. Символ мудрости и мира тускло светился бледно-голубым светом.

На соседней лежанке приборматовал, постанывал и подёргивался Влас. От старика веяло жаром, закатившиеся глаза поблёскивали в полутьме, воздух с хрипом продирался сквозь седую неухоженную бороду.

За серой занавеской, служившей дверью уже звучали приглушённые голоса и позёвывания – народ потихоньку просыпался и занимал очередь к последней кабинке с ультразвуковым душем. Неделю назад хватило на троих.

Пьеро пошевелил пальцами на руках и ногах, попробовал было повернуть глазные щупальца вправо, но вовремя вспомнил, что больше не спит. Пора было выбираться из спальника и идти на утреннее собрание.

***

Вот и овраг... Как его, русло.

Пьеро остановился в двух шагах от обрыва – если подойти ближе можно прокатиться на заднице до самого дна. Внизу, меж высохших до белизны, затвердевших до стали коряг, было пусто. Даже пауки-охотники ушли отсюда. Они простор любят, чтобы ветер к их засадам пищу подгонял. Красно-коричневые барханы в овраге лежали почти недвижно – там не дуло. Пьеро поднёс ладонь козырьком ко лбу. Он знал: входы есть, нужно их просто найти.

На той стороне оврага пустыня забирала своё. Бордово-бурый песок постепенно растворял стекло и сталепластик также, как медленно капающая вода проедает любое железо, так же, как время втягивает в небытие остатки человечества.

Пьеро посмотрел налево, направо. Унылые крутые склоны, и никакого намёка на спуск. Перевесил бак на грудь. Снял с пояса флягу, помотал над ухом. На дне чуть-чуть плескалось – дневная норма. Всего горсточка, но этой горсточки хватит, чтобы не уйти в сны насовсем. Или чтобы сделать компресс Власу. Шаман давно уже чувствовал себя неважно, но неделю назад совсем занемог и слёг. Метался в горячке так, что порвал спальник.

Колдуны не умирают легко. Особенно, если некому передать силу, а с преемниками у Власа всё было плохо. В пещере не было никого, кто мог толковать сны, кому было под силу вытаскивать спящих из кошмаров и сопровождать мёртвых в вечный сон. Влас брался учить всех желающих и даже некоторых нежелающих. Хватался за любую соломинку.

Коломбина поехала умом; Арлекин слишком любил звёзды, однажды он ушёл в пустыню и не вернулся.

Остался только Пьеро, но он был из нежелающих. Он не хотел быть шаманом, ему не нужна была сила и способность ходить по чужим снам. После смерти матери он запретил себе сновидения, и с тех пор под веками видел только темноту.

До вчерашней ночи.

Пьеро ушёл из пещеры затемно, до общего собрания – не хотел, чтобы по его виду кто-то догадался. Он чувствовал, как горят щёки и замотался в шарф. Ощущал чужие взгляды и спрятал глаза за круглыми чёрными очками. Потом взял бак побольше – чтобы походка была обычной, не подбрасывал бы в воздух каждый шаг. И всё равно, уходя Пьеро знал: Влас понял, почуял, пусть и сквозь жар, и теперь уж точно не отвяжется.

За скелетом моста в тысяче шагов справа овраг круто изгибался к северу, чтобы через шесть с половиной тысяч шагов нырнуть в большую, больше человеческого роста, трубу, забранную стальной решёткой. Прутья той решётки были два пальца толщиной, а между ними не пролез бы и ребёнок – это было известно всем в пещере, Пьеро, когда был маленьким, пытался. И не смог.

Пьеро вздохнул: надо двигаться дальше, не торчать же тут весь день. Он повернул налево. На проплешинах мостовой плясали песчаные вихри. Дома в этом районе казались почти целыми снаружи. Как мумии, которые оставляют после себя

пауки-охотники. Внешняя оболочка цела, а изнутри всё выедено досуха. Через две тысячи шагов перед ним открылась небольшая площадь. В центре её высился постамент чёрного с белыми прожилками камня. От памятника остались только ноги, надпись на покосившейся табличка не разобрать.

Ветер усилился, Пьеро остановился передохнуть и прикинуть маршрут. Сейчас добраться до вон того большого купола с обломанным шпилем на крыше, потом налево, чтобы обойти завал, а там можно и люк поискать. Влас говорил, рядом с оврагом люков много, и все ведут к руслу. Если повезёт... Обязательно повезёт! Не может не повезти! Пьеро прямо видел этот люк: присыпанный песком и ветками, ржавый по краям, такой тяжёлый, что кажется, будто Вспышка вплавила его в землю, запечатав вход. Но если найти щель, вставить монтировку и поднажать, то раздастся такой звук...

Резкий клёкот раздался слева. Тело отреагировало раньше сознания. Пьеро отскочил назад, под прикрытие шершавой стены, присел, чтобы оставаться в тени и осторожно окинул взглядом площадь.

Паук-охотник стоял на постаменте. Размером с кошку, серо-бурый, он задрал передние лапки и медленно водил ими в воздухе. Брюшко с чёрными полосами выглядело дряблым. Самка, да ещё и голодная. Значит, где-то рядом гнездо, не исключено, что в том самом здании со шпилем.

Пьеро начал аккуратно пятиться на полусогнутых. У пауков-охотников нет глаз, а слушают и нюхают они щетинками

на ногах. Получается не ахти. Но сила их не в этом, и даже не в яде – эти твари могут почувствовать чужие эмоции. Страх, жажда, усталость – для них как маяки в ночи, как громогласное объявление по интеркому «кушать подано».

Пьеро дышал медленно, как учил Влас, стараясь отбросить все сторонние мысли, сосредоточиться на дыхании. Вдоооох. Выыыдох. Вдоооох – шаг назад. Выыыдох – ещё один. Вдоооох – замереть, медленно повернуть голову: нет ли других пауков? Выыыдох – ещё шаг; вроде чисто, может, повезло? Вдоооох – шаг. Не торопиться. Снова клёкот на площади, на этот раз поближе; тварь идёт сюда? Выыыыдох – скорей бы угол какой или груда камней. Вдоооох – снова клёкот, ещё шаг назад. Выыыыдох – правая ступня попала в ямку, поскользнулась, поехала, подвернулась.

Баммммм! Пьеро упал на бок, с размаху дав баком в стену. Гулкий звон поплыл над улицей, а когда прекратился на секунду всё замерло. Мгновенье тишины он потратил на то, чтобы вскочить. Боль вкрутилась в лодыжку ржавым винтом. Пьеро выпрямился и побежал. Главное – держаться против ветра. Пауки-охотники умеют стрелять паутиной шагов на двадцать, но выпускают они не снаряд, а тонкую нить. Яда на той нити хватит, чтобы отправить в вечный сон кого угодно, а сама нить практически невидима, поэтому увернуться от неё очень сложно. Но нить есть нить, малейший ветерок – и всё, охота не удалась.

Пьеро сорвал шарф. Раскалённые распахнутые губы

встретили поток мелких песчинок. Сзади заклёкотали. Пытается перегнать, чтобы выпустить свою дрянь в лицо. Если подберётся близко – прыгнет. Тогда точно конец. Они прогрызают даже сталепластик, а яда на жвалах больше, чем на паутине.

Пьеро ускорился как мог. Лодыжка горела, несмотря на все усилия усыпить часть мозга, отвечающего за боль. Ещё немного, руины станут пореже, а на просторе можно будет и задавить гадину. Спереди-справа застрекотало. Из-за спины Пьеро тут же раздался ответ. Проклятье! Это один из самцов, видимо, возвращался с охоты раньше обычного. Сражаться с двумя пауками-охотниками в одиночку – верная смерть. Они быстрые, хоть один да успеет зайти с нужной стороны.

Пьеро метнулся влево. Может, напасть на самку сейчас? Не вариант. Тут сплошные руины. Нырнёт туда, затаится – и подождёт своих мужей.

Впереди показался знакомый обрыв. Можно попробовать пробежать вдоль русла, там попросторнее, и если ветер не переменится... Новые щелчки послышались откуда-то спереди.

Пьеро снова свернул, пробежал сквозь очередной разрушенный дом и оказался на небольшой площадке. Посредине пяточка – шагов сорок в поперечнике – стояло круглое блюдо на высокой ножке. Из центра блюда торчал длинный каменный хоботок, разветвлявшийся на конце. Старики рас-

сказывали, что до Вспышки из таких хоботков лилась вода и всё это вместе называлось «фонтан». Врали, конечно. Кто же станет расходовать воду – воду! – просто так, «для красоты». Да и где её столько взять...

Одна сторона площадки обрывалась в овраг. Щёлканье и клёкот приближались.

Пьеро перебросил бак на грудь, обхватил его руками, поджал колени и кубарем покатился вниз.

Всё замелькало перед глазами. Как в детстве, когда они с Арлекином сбегали из пещеры, чтобы покататься с барханов на пустых паучьих коконах. Коконны вечно выскальзывали из рук, норовили оказаться сверху и заодно врезать по голове. Было больно.

Ай! Пьеро налетел на выступ, его подбросило и шлёпнуло о песок. Вокруг взметнулось бурое облако. Он лежал и смотрел на серое облачко, которое вызвал; думал, что скоро умрёт, потому что из лёгких вышибло воздух, и не было сил встать, не то что поднять тяжеленный бак; ещё думал, что пауки сейчас найдут тропу вниз: они-то половчее человека будут. Если повезёт, может получится убить одного. Вот бы успеть. Ещё один сгинувший ученик Власа.

– Прости, старик, – губы шевелились еле-еле, вместо слов еле слышный сип.

Неподалёку заскрипело. Противно так. Уииии, уииии. Словно ветер мотает калитку на ржавых петлях. Пьеро повернул голову. Прямо над ним из стены оврага выглядывала

будочка с треугольной крышей. Похоже, это и есть тот трамплин, что так неудачно... Стоп. Причём тут неудача? Наоборот, свезло так свезло! Маленькая, в половину роста взрослого человека, она призывно покачивала приоткрытой дверцей.

Пьеро от радости забыл, что не может дышать и вздохнул. Лёгкие обожгло, позвоночник хлестнуло болью, но он встал.

Нашёл! Не может быть! Нашёл!

Подобрал бак – тому хоть бы хны, даже вмятин не прибавилось, и закинул железку за спину. На обрыве послышался знакомый клёкот, сверху потекли песчаные струйки. Пьеро подобрался к дверце и заглянул внутрь. Там было темно, но вдалеке вроде что-то светилось, а ещё – он не сразу поверил носу, даже спустил шарф и принялся ещё раз – из лаза веяло сырым теплом. Такой сырости не бывает, просто не может быть! Чтобы стало так сыро нужна целая, эта, как её, ванна! А может, даже бочка воды!

Стараясь не думать о том, сколько времени понадобится паукам-охотникам, чтобы полностью переварить его, если они сообразят сюда сунуться, Пьеро протиснулся внутрь.

***

– Скажи, если бы ты смог позвать к нам кого-то, кто бы всё исправил, кого бы позвал?

– Всё – это что?

В яме, обложенной камнями, теплился костерок. Огонь цеплялся за куски угля, карабкался, вгрызался, разгорался и

под ветром снова слетал вниз. Пьеро подумал, что с людьми теперь также – сколько ни карабкайся, из ямы не выбраться.

В ложбине меж двумя высокими дюнами было почти спокойно. Короткие порывы ветра не в счёт. В пустыне без ветра не бывает. Когда ветер немного стихал, позволяя самонадеянному огоньку подняться повыше, Пьеро мог различить Арлекина. Тот сидел с другой стороны ямы, нахохлившийся как гриф на кресте. Задавал свои странные вопросы хриплым полужёпотом, каждый раз прокашливаясь.

– Вообще всё. Вспышку. Людей.

Пьеро задумался.

– Никого не позвал бы. Смысла нет.

– Вот и я думаю: пусть оно идёт как идёт, – Арлекин вытянул ноги к огню и откинулся назад, задрал голову к своим любимым звёздам. – Однажды мы все наконец умрём. Может, тогда...

– Нет, ты не понял, – Пьеро вдруг чувствует, как краска прилила к щекам. Как раньше, когда он часами спорил с Арлекином, стараясь убедить и каждый раз проигрывая спор. – Влас говорит, раньше люди верили в богов, в инопланетян, в тайные заговоры, во что и в кого угодно, на кого можно было бы свалить ответственность. А после вспышки винить некого. Понимаешь, мы теперь сами по себе.

– И я о том, – Арлекин тихо усмехается. – Одни-единёшеньки, пасынки звёзд, убийцы планет. Нам даже не хватает воли достойно умереть. Жмёмся по старым подвалам, слизи-

ваем росу с камней, рискуем жизнью ради яиц пауков. Бывшие цари природы, ха. Когда я понял это, просто пошёл вон за той голубой звездой. Это честнее, чем как вы с Власом.

– Честнее? Ты бросил нас, – Пьеро злится, как и всякий раз, проигрывая очередной спор. Арлекин прав, и от этой горькой правоты хочется разбить ему лицо. – Ты должен был стать шаманом, провожать, лечить и утешать. А ты бросил нас всех!

Короткий, но яростный порыв ветра насыпал песка в огонь. Пьеро кажется, что огонь умер, потому что уголь стал мрамором. Фигура Арлекина на той стороне почти слилась с тьмой, растворилась среди редких бледных звёзд. Голова его откинулась назад ещё больше – человек так не может. Если у него цела шея, конечно.

– Я сделал то, что было нужно.

Его голос теперь почти совсем неотличим от шелеста песка на вершинах дюн.

– Я думал... Впрочем, это неважно сейчас. Я пришёл к тебе, потому что понял, как и в чём ошибался. Я хочу помочь. Исправить... Как ты говоришь: проводить и утешить. Как настоящий шаман. Рядом с тобой есть нечто, что скрыто. Давным-давно, когда здесь ещё жили эти, как их, инженеры. Они очень гордились тем, что сделали, тем, что запечатали... Суть в том, Пьеро, что это нечто скрыто в жидкости. Понимаешь? Под огромной толщей влаги.

Пьеро слушал внимательно. Он давно понял, что это

непростой сон, что перед ним и правда Арлекин. Или тот, кто Арлекином прикидывается.

– Что там, за печатями? Как их снять?

– Не скажу, – Арлекин усмехается. Его голова почти лежит на песке, отсвечивая холодными глазами-звёздами. – Ты сам узнаешь, это нетрудно. Трудно другое, Пьеро. Наши предки устроили Вспышку, кто знает, чего они боялись настолько, что решили спрятать поглубже? Ты должен решить, Пьеро. Когда смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя, слышал такое?.. Боги мертвы, Пьеро, мертвы, но, может быть, не совсем...

Пьеро молчал.

– Ты всегда был странный, младший, – вздохнуло тёмное пятно, всё в звёздах, чем-то похожее на Арлекина. – Я люблю тебя. Жаль, что не взял с собой. Впрочем, я знал: ты – не пойдёшь.

– Был? Это ты – был!.. А я – есть! И буду! Понял?!

Вскрик зарылся в шуршащий песок. Пламя весело заплясало на углях. Сколько Пьеро ни вглядывался, сколько ни тёр влажные глаза, разглядеть Арлекина он больше не мог.

***

Пьеро лежал в узкой трубе. Под ладонями шершавый металл шелушился ржавчиной. Медленно открыл и закрыл глаза. Темнота почти не изменилась, только ресницы легко коснулись щёк. Очнулся. Арлекин и пустыня остались там, в трансе.

Чувства возвращались постепенно. Так ветер разметаёт песок вокруг старых руин, постепенно обнажая неприглядные осколки прошлого. Левая нога ныла, голова тоже, руки саднило, очки разбились и поцарапали щёки. Пьеро сел. Когда подтягивал ноги к себе, лодыжку обожгло ещё сильнее. Тихий перестук камней. Ясно. Споткнулся, упал, ударился головой. Пьеро зашипел. Ему было смешно и досадно одновременно. Сколько Влас бился, чтобы научить правильному шаманскому трансу, а кучка камней справилась лучше. Оборжаться. Пьеро поморщился. Да и добытчик из него примерно такой же, как шаман...

Стоп! Что с баком?

Пальцы пробежали по металлу. Вроде цел. Точно – цел. Пьеро выдохнул с облегчением. Интересно, сколько он провалялся? Десять вдохов? Двадцать? Полдня?

Судя по тому, что чувство голода почти не усилилось, не так уж долго. Послетрансовая слепота постепенно рассеялась, глаза вновь начали различать очертания предметов. Пьеро поднялся, убедился, что контейнер для воды висит плотно, опёрся рукой о стену и двинулся дальше. Он снова сосредоточился и усыпил ту часть мозга, которая отвечает за боль. В сыром воздухе было тяжело дышать, и Пьеро засунул шарф под пончо. Впервые в жизни он чувствовал такой сильный запах воды. В этом дразнящем манящем небывалом и оттого опасном запахе было – ощущение, смутное понимание, предчувствие.

Пьеро вглядывался в полутьму, осторожно выверяя каждый шаг: сомневался, что получится встать, если упадёт снова. От боли он почти полностью избавился, но теперь клонило в сон, а нога ощущалась словно чужая.

Пьеро захромал вперёд. Каждые десять или пятнадцать шагов он опирался о стену, нагибался и массировал лодыжку. Даже сквозь резиновый сапог чувствовалось, как она распухла.

Постепенно в круглом коридоре становилось светлее, зелёные блики скользили по металлическим стенам, переливались и играли как играет солнечный луч в руинах того, что старожилы называли церковью. Через несколько десятков шагов Пьеро впервые услышал его.

Плеск. Не такой, как бывает, когда трясёшь флягу, чтобы узнать сколько глотков ещё можно сделать. Нет, совсем другой, более уверенный и могучий. Наверное, именно с таким звуком плескались мифические моря и озёра.

Пьеро остановился, чтобы отдышаться. Опёрся о стену и втянул тяжёлый влажный воздух. В нос лезли самые разные запахи, но Пьеро мог думать только о влаге, о каплях, которые растёрли по металлическим стенам его пальцы. В очередной раз потёр ногу и двинулся дальше.

Коридор кончился так резко, что закружилась голова, и пришлось цепляться за тонкие стальные перила, предательски застонавшие под весом человека. Пьеро оказался на узких решётчатых подмостках, бежавших вокруг стен огром-

ного круглого зала. Потолок терялся во тьме, а противоположная стена была так далеко, что её можно было только ощутить, но не увидеть. Внизу плескалась вода.

Наклонился, как можно ниже, всмотрелся, попробовал прикинуть, всё ещё не веря происходящему. Вода. Даже если ядовитая и половина не пройдёт фильтры. Даже если она скрывает пол на пару ладоней. Даже если... Да что угодно! Здесь её всё равно столько, что хватит на всё. Хоть мойся в ней! Хоть плавай! А пить можно годами. Годами! Больше не придётся вымерять дневную дозу маленькими ложками. Никаких больше техник и инструкций по правильному употреблению воды!

Пьеро сбросил бак в устье коридора и принялся снимать с него ремень. Как же неудобно, что вода так далеко. Надо будет соорудить тут ворот и верёвки побольше притащить, ведро какое-нибудь приспособить. Он связал вместе поясной и ремень от бака, несколько раз подёргал узел, потом как можно тщательнее прикрепил к ним флягу. На лбу выступила испарина, в ноге снова проснулась боль.

Подрагивающими пальцами Пьеро принялся аккуратно спускать флягу вниз. Попытка только одна, но всё идёт хорошо, длины должно хватить... Плюх! Фляга на том конце отяжелела и принялась погружаться. Только бы выдержал ремень... Пьеро всё ждал, когда она упрётся в дно, но не дождался. Невероятно!

Пьеро осторожно потянул и потащил. Медленно, чтобы не

раскачивать флягу. Ему казалось, что он недостаточно хорошо обвязал флягу, что вес воды тянет её вниз, но если быть осторожным, всё должно получиться. Главное – тащить потихоньку-помаленьку. И пойдёт. Главное – тихо. Главное – не торопиться. И всё будет хорошо. Вот так, медленно, но верно...

За спиной раздался клёкот.

Нашли-таки.

Пьеро сторбился и заработал руками быстрее. Здесь нет ветра, нет света, нет пространства, а значит и шансов против паука у него тоже нет. Только бы не зря. Только бы успеть вытянуть флягу.

Клёкот раздался снова, на этот раз ближе.

Эх, если б не споткнулся... Давай, ну давай, поднимайся! Хоть бы напоследок успеть глотнуть. По-настоящему, от души!

Над ухом прошелестело. Нить. Паук совсем близко. Фляге оставалось совсем чуть-чуть, и Пьеро дёрнул изо всех сил. Ремень вдруг стал лёгким-лёгким, а Пьеро услышал негромкое «бултых» внизу. Фляга сорвалась.

– Нет!

Пьеро отчаянно, изо всех сил потянулся за флягой, ему казалось, что ещё немного и он схватит её.

Клёкот раздался почти за спиной, и тут же повторился. Пьеро почувствовал, как тонкие лапки ткнулись в пончо, а потом ржавые перила застонали словно человек, запутав-

шийся в бесконечном кошмаре, и рухнули вниз.

Падая, Пьеро увидел, как второй паук промахнулся с прыжком и теперь тоже летит вниз.

Пьеро несколько раз перевернулся в полёте и ударился о воду спиной. Удар оказался очень силён, Пьеро никогда не думал, что падать в драгоценную жидкость может быть настолько больно. Вода оказалась густой, почти непрозрачной, винно-красной, горько-солёной. Пьеро погружался медленно. Один паук тонул рядом, а второй барахтался чуть дальше.

В принципе, забрать двух пауков это неплохо. Жаль, что они оба самцы, убийство самки здорово помогло бы остальным людям. Да пошли они эти пауки! Теперь же никто не узнает про воду! И Влас умрёт, думая, что ученик сбежал вслед за Арлекином!

Пьеро принялся барахтаться. Он молотил руками и ногами изо всех сил, но густая жижа тянула вниз, и силы быстро таяли. Огненная боль поползла по телу – наверное, паук успел укусить. Мысли путались, перед глазами мельтешили цветные пятна.

Говорят, умирать от яда паука-охотника даже приятно. Врут. Жаль, что зря. Жаль, что некому станет сопровождать и лечить. Разве что, Коломбина... Перед глазами встали вечно блуждающие руки Коломбины, её бормотание и боязнь яркого света. Нет, она не сможет. Тогда – кто? Впрочем, какая разница. Он всегда был против...

***

Он снова был здесь. Розовый Волк. Огромный. На его панцире красовался знакомый символ: три крыла-дуги, шестерёнка и точка в центре. Пьеро вздрогнул и попытался отстраниться. Не получилось.

– Ты бы хотел другой облик? Понимаю, – прохлюпал Розовый Волк.

Улитка потекла как парафин над огнём. В оплывающем облике проглядывали лица родителей, Арлекина, Власа, Колумбины. Они перетекали друг в друга, искажаясь словно от боли. К горлу подкатила тошнота. Пьеро отвернулся. Он стоял на гладкой зеркальной поверхности, в которой отражалось бесконечное звёздное небо с колеёй Млечного Пути посередине. Но рисунок звёзд был немного другой. Будь здесь Арлекин, он бы сразу сказал, в чём дело.

– Посмотри на меня, – послышался голос, и Пьеро послушно повернулся снова. Почему бы и не посмотреть? В конце концов, это всего лишь галлюцинации умирающего мозга, можно и насладиться напоследок.

Вместо улитки перед ним сидела девочка лет десяти-одиннадцати. Хрупкая, зеленоглазая, с длинными бирюзовыми волосами до плеч и гордо вздёрнутым носиком. Одежда она была в нарядное синее платье. Таких платьев никто не носил: в пещерах – они непрактичны, а в пустыне – верный билет в вечный сон.

– Вот! – девочка развела руками. – Видишь, теперь со-

всем-совсем нестрашно, правда?

Пьеро кивнул.

– Так выглядела твоя прабабка, Пьеро, – сказала девочка. – Её звали Мальвина, можешь называть меня так.

– Б-бабкой?

– Мальвиной, дурачок! – девочка надула губки в притворной обиде и погрозила пальчиком.

Пьеро снова кивнул. Что сказать он не знал, называть своё имя показалось глупым.

– А с Арлекином ты был куда разговорчивее, – хитро подмигнула девочка. – Может, мне стать им? Нет? Ну, как хочешь. Я так рада, что ты нашёл меня, Пьеро! Если бы не ты, не знаю, сколько мне ещё пришлось бы торчать здесь. И вам, между прочим, тоже!

– Ты... ты о чём? – заморгал Пьеро.

– О протоколе «Ковчег» конечно же! Всё-таки вы, люди, ужасно упрямые! Я вам сигналю на всех частотах, а вы ни в какую! Сто двенадцать лет, четыре месяца и пять дней сигналю! А вы – молчок! – Мальвина упёрла кулачки в бока, чуть наклонилась вперёд и нахмурилась. – Неужели вам нравится тихо умирать в пещерах посреди пустыни? Ну как такое может нравиться вообще, а?

– В городе пауки... а в пещерах тихо... – забубнил Пьеро, ошеломлённый напором. – Куда нам ещё податься...

Девочка строго смотрела из-под насупленных бровей. Пьеро осёкся.

– Стой. Ты кто вообще такая?

– Я искусственный интеллект типа «заслонка», ну это как в печке: протопил, закрой, чтобы тепло не уходило, или в волноводе... – Мальвина взглянула на моргающего Пьеро. – Ладно, неважно. В общем, я должна следить за человеческой популяцией на этой планете. Когда случилась Вспышка, я объявила эвакуацию, то есть протокол «Ковчег», но кое-кто решил, что надёжнее будет пересидеть в пещерах. Вот и приходится за вами с пси-эмиттерами по снам гоняться. Ты бы знал, сколько эти эмиттеры энергии жрут! И внятных посланий через них не передать! Только образы и общие эмоции! А речь – метров на пятнадцать только!

Пьеро выставил растопыренные ладони.

– Погоди. Хочешь сказать, мы не последние?

– Точных данных нет, – поникла Мальвина. – Когда марсианские колонии начали воевать, первым делом они сбили спутники и взорвали ретрансляторы, чтобы никто не мог вызвать подмогу с Земли. А телескопы у меня слабые. Я видела вспышки на Земле, но что это – сказать не могу. А раз никто за всё это время не прилетел сюда, чтобы проверить, как дела на Марсе, можно сделать вывод, что война была и там. Вероятность – восемьдесят четыре процента.

Пьеро опустил руки.

– Ясно. И что ты от меня хочешь?

– Выполнить протокол «Ковчег», конечно же! – снова воспряла зеленоглазая. – Эвакуировать оставшихся колонистов!

Наконец-то мне удалось привлечь кого-то в зону уверенного приёма эмиттеров, а значит теперь дело пойдёт веселее. Ты сможешь вернуться к своим и всё рассказать, а я тем временем...

Она тараторила что-то о дальнейших планах, и о том, как ей было скучно все эти годы. Часть слов Пьеро не понимал вовсе, часть пропускал мимо ушей: только теперь он начал понимать, о чём говорил Арлекин.

– Нет – голос Пьеро был тих.

– ... не представляешь, как трудно было достучаться до тех пауков и не дать им тебя укукошить, они когда голодные... что?

Небо над головой потемнело, в его зеркальном отражении под ногами забегали молнии.

– Ты приучила нас видеть сны и мечтать о том, чего не было. Твои пауки охотятся на нас, а твои видения сводят с ума шаманов и заставляют остальных плакать об ушедшем.

– Да ты хотя бы представляешь, сколько сил было вложено в терраформирование Марса?! – возмутилась Мальвина. – Сколько лучших умов корпели над тем, чтобы «Ковчег» сработал в любом случае? Пауки ему не нравятся! Сны не годятся! Да если б не сны, стал бы ты шаманом? А как без пауков я бы направила тебя сюда?

Влас всегда говорил, что шаман потому и шаман, что может провожать и направлять не только других, но – прежде всего – себя. Таков его долг.

– Скольких ещё ты пыталась так направить? А скольких свела с ума своими эмиттерами и сигналами? – Пьеро взглянул в её глаза и не увидел там ничего. У Мальвины не было ответов, да она их и не собиралась искать. Вполне в духе древнего мира. – А теперь ты предлагаешь идти у тебя на поводу просто потому, что так решили те, кто давно уже мёртв? Не дождёшься!

Пьеро сосредоточился. Небо и зеркало пошли рябью. Сны – это вотчина шамана, неважно, наведённые они или нет. На краткий миг Пьеро показалось, что небо – просто ширма, серая тряпка, как в пещере. Всё, что нужно сделать, чтобы выйти отсюда – протянуть руку. Пьеро мысленно потянулся к ширме.

– Пьеро, послушай! Подумай, что я предлагаю! Возвращение домой, никаких больше стылых пещер, никаких пауков и пустынь. Даже если там, на Земле, никого не осталось, вы станете её новым народом. Я помогу, я знаю как, в моих базах вся информация, которая требуется, всему научу и покажу. Ты же шаман, Пьеро! Ты должен направлять! Так направь! Стань мессией, открой новую главу в истории человечества!

Пьеро закрыл глаза. Отключил слух. Сосредоточился.

Мальвина кричала что-то ещё, он не слушал.

Ширма отодвинулась легко. Теперь он плывал в чёрной пустоте, пронизанной красно-голубой паутиной. Пьеро понёсся вдоль пульсирующих нитей, становящихся всё толще,

никогда бы он не подумал, что можно двигаться так быстро. Разноцветные нити мелькали, превращались в безумную карусель. Какофония трескучих и шипящих звуков разрывала уши. Голова кружилась, непонятно было где верх, а где низ. Пьеро почувствовал, что ещё немного, и его выбросит из этого сна.

Он закрыл глаза и заткнул уши. Задышал. Медленно, ровно, с каждым выдохом отпуская страх и какофонию. Постепенно карусель остановилась, снова стала просто переплетением нитей. Он пригляделся и понял: пульсация нитей неслучайна, они передают сгустки света. Нужно следовать за ними.

Все нити сходились в центре паутины. Если ударить туда, всё закончится, мелькнула мысль. Пьеро ухмыльнулся. Он резко повернулся, как раз вовремя, чтобы длинная прозрачная нить прошелестела мимо.

Пауки-охотники не ткут паутины. И уж конечно, не станут сидеть в самом центре. Яркий центр – ловушка, приманка для глупцов. Пьеро увернулся от ещё одной нити из темноты и удивился тому, насколько это просто. И смешно. Играть в пауков с девчонкой.

Он расхохотался. От его хохота паутина затряслась и развалилась. Нити полетели гуще, и многие попали, но ему было всё равно: шаман неуязвим для пауков, а человек сильнее машины.

Пьеро смеялся и смеялся. Яркий свет выплеснулся из его

груди, ударил вокруг, и тьма рассеялась. Неподалёку корчилась сине-зелёная паучиха с человеческой головой. Из глаз её текли слёзы. Лапки сучили в воздухе. Пьеро стало жаль её. Столько лет в одиночестве, в тщетных попытках выполнить свой долг... Кто хочешь умом тронется.

Шаман прекратил смеяться и посмотрел на противницу.

– Ты сделаешь, как я скажу. Никаких больше сигналов, никаких пауков. Отмени этот свой ковчег.

Лицо паучихи пошло рябью, побежало длинными строчками цифр и непонятных символов.

– Да, – ответила Мальвина ровным безжизненным голосом. – Административный доступ подтверждаю. Протокол «Ковчег» завершён. Вернуться к исполнению протоколов «Арык» и «Заслон»?

– Что это?

– Довоенные протоколы оводнения Марса и поддержки населения колонии.

– Приступай.

Пьеро понял, что ещё немного и потеряет сознание: голова плыла и кружилась, видимо, схватка отняла очень много сил. Он позволил себе больше не сражаться, расслабился и провалился в темноту.

***

Почувствовал тяжесть одежды, прохладное прикосновение жидкости к коже, исчезающий свет на сетчатке.

В лодыжке снова появился раскалённый шуруп. Боль про-

чистила мозги. Пьеро рванулся вверх. Наверх ли? Кругом была лишь темнота, а лёгкие горели. Оставалось только вдохнуть полной грудью этой густой горькой бордовой жижи.

Вдруг руки упёрлись в какое-то колесо. Пьеро, не думая, что делает, рванул колесо влево, и оно поддалось. Он крутанул его несколько раз, пока были силы. Тугой поток подхватил его и понёс вверх. Лицо вдруг оказалось над поверхностью, и Пьеро успел сделать жадный вдох перед тем, как его закрутило снова.

Его било и вертело. Швыряло из стороны в сторону. Ударяло о какие-то железные выступы. Несло с невероятной скоростью вверх, и иногда ему даже удавалось вдохнуть. В остальное время он глотал. Это была вода, настоящая вода, та самая живительная влага. С каждым глотком паучий огонь в жилах становился всё тише.

Наконец всё закончилось. Пьеро подняло в последний раз и шмякнуло о бархан. Он лежал, раскинув руки, и смотрел, как солнечные лучи играют цветами в брызгах огромного фонтана. Радуга. Он не верил, тем, кто говорил, что прекраснее в мире ничего нет. Выходит, зря.

У подножия бархана шлёпнулся бак. Пьеро сел и огляделся. Он оказался на окраине города, совсем недалеко от родных пещер. Пьеро улыбнулся широко-широко и вновь опрокинулся на спину: радуга и мокрая одежда, нежно льнущая к телу, что может быть приятнее?

Фонтан бил в небо всё также мощно и неукротимо, небольшой ручеёк уже бежал в сторону русла.

Пьеро думал о древних. Они запечатали подземное водохранилище, оставили его во власти Мальвины. Можно догадаться, почему. Прежним людям хватило сил и умений добраться аж до другой планеты, но не хватило воли принять и изменить себя. Они слишком полагались на свои машины, и в результате уничтожили друг друга. Надеялись, что творение их инженерного гения непогрешимо. Что «Ковчег» всё исправит, отправит на новый круг.

Не исправит. Машина была и останется машиной. Влас как-то рассказывал легенду о древнем божестве, пожиравшем своих детей. Если пойти на поводу у «Ковчеха» всё будет как в той легенде: дети убьют родителя и займут его место.

Нет. Пришло время сделать шаг за пределы порочного круга. Самим решить, какие сны смотреть и в какие путешествия отправляться.

Пьеро смотрел, как радуга играет в брызгах воды. Он радовался тому, что ему не придётся убивать древних богов, потому что они сами убили себя. Ему нужно сопровождать новых людей на новом пути, словно детей, делающих первые шаги мимо старого погоста или свалки. И он очень постарается, чтобы они не споткнулись.

Потому что таков долг шамана.